

Командир Южного соединения партизанских отрядов Крыма
Михаил Андреевич Македонский.

на пять районов, в каждом из которых должны были действовать по нескольку партизанских отрядов. В каждом сельском районе формировалось по одному, а в крупных городах — по два-три отряда. Всего было создано 29 отрядов. Общее руководство ими осуществлял Центральный штаб партизанского движения, созданный в октябре 1941 года. Командующим партизанским движением был назначен прославленный герой гражданской войны полковник А. В. Мокроусов, комиссаром — секретарь Симферопольского горкома партии С. В. Мартынов.

К тому времени, когда фашистские войска вышли на подступы к Крыму, был сформирован и наш — Бахчисарайский отряд. Его первыми бойцами и командирами стали коммунисты, комсомольцы, рабочие, беспартийные активисты из районного центра, колхозники из близлежащих сел. Командование отрядом было поручено мне.

Шли дни. Бойцы отряда усиленно изучали стрелковое оружие, мины, готовились к диверсиям в тылу врага. Будущие партизанские командиры учились ориентироваться в лесу, запоминали дороги, вместе с проводниками ходили по горным маршрутам. В лесах и на горных склонах, в самых глухих местах создавались крупные базы продовольствия и одежды. В то же время каждый, хотя и готовился к предстоящей борьбе, жил надеждой, что враг не войдет в глубь полуострова, застрянет у Перекопа и Сиваша.

Сколько фантастических планов и предположений вынашивалось в те дни в головах наших доморошеных стратегов и военных commentators! Но события развивались по-иному, и скоро стало ясно, что настало время уходить в лес.

Надолго ли? Сколько продлится наша борьба? Какие невзгоды придется преодолеть?

Я снова пошел в райком, к Василию Ильичу. Уже было известно, что он назначен в наш отряд комиссаром, и мы должны были договориться о времени выступления из города.

Василий Ильич был одет по-походному. Он стоял около стола и укладывал вещевой мешок. На спинке стула висел автомат.

— Медлить нельзя — немцы заняли Альму, скоро будут здесь, — сообщил он. — Собирай людей в назначенное место — и в путь.

А. В. Мокроусов.

С. В. Мартынов.

Отряд собрался быстро.

Когда люди и обоз были готовы к выходу, я вспомнил, что мои родные еще не знают о перемене в моей жизни. Каждый уходящий в лес простился с родным домом, с семьей, а я в суматохе сборов не успел этого сделать. Комиссар предложил:

— Иди попрощайся с родными, а я доделаю все, что надо, и заеду за тобой.

Тогда в Бахчисарае жили мои сестры — Александра, Елена и Нина. Они были замужем, но мужья их ушли на фронт.

Домик их стоял рядом с ханским дворцом-музеем. Моему приходу сестры обрадовались. Поговорили о житье-бытие, попечалились, что от мужей нет писем. Женщины долго не решались спросить меня, но потом все же этот вопрос был задан.

— Немцы, наверно, скоро займут город?

— Война, — коротко ответил я.

— А что нам делать?

— Лучше уезжайте в степь, в Темир. Там вам будет безопаснее, — посоветовал я.

Мы замолчали, вероятно, думали об одном и том же — о своей судьбе, о судьбе родной земли.

Поглядел на часы — пора уходить, а как закончить разговор — не знаю. Потом сказал:

— Видимо, этой ночью уйду из Бахчисарая. Вот зашел попрощаться...

— Куда же это, Миша? — с тревогой спросила Елена.

— В лес, партизанить...

Я думал, что сестры заплачут и на меня тоску нагонят. Но случилось иначе. Елена как-то просто, по-обыденному сказала:

— Это хорошо, что около дома воевать будешь. Дома и стены помогают...

Так мы и расстались.

Около дома уже стояли повозки. Комиссар сдержал слово — заехал за мной. Скоро догнали отряд. Партизаны вышли из Бахчисарая и ждали нас на окраине города. Комиссар перед выступлением произнес короткую речь:

— Наши войска временно отступают. Линия фронта, вероятно, остановится около Севастополя, и леса, куда мы сейчас идем, станут тылом гитлеровской армии. Но пусть фашисты не думают, что за линией фронта их ждет спокойная жизнь. Здесь их будет настигать смерть так же, как и всюду. Пусть горит земля под ногами захватчиков!

— Партизаны! Шагом марш! — раздалась команда.

Под вечер мы уже были на вершине горы около Чуфут-Кале. С высоты был хорошо виден весь город. Мы остановились, чтобы еще раз взглянуть на родные места. Вдруг кто-то произнес:

— Пропадем мы в горах. Перебьют нас немцы.

Константин Сизов — командир истребительного батальона, который тоже уходил в лес вместе с нами, быстро обернулся назад, отыскивая глазами говорившего:

— Тот, кто говорит такие слова, — трус! А трусов нам не надо.

— Пусть те, кого страшит партизанская борьба, выйдут из рядов и вернутся обратно, — добавил Черный. — В лес пойдут только добровольцы. Ну?

От колонны отделилась кучка людей. Они боязливо сложили оружие около дороги и, вобрав головы в плечи, тихо пошли назад.

На этих трусов презрительно смотрели даже молодые девушки-санитарки, которые смело пошли с нами на встречу опасностям и лишениям.

* * *

Первым днем нашей партизанской жизни я считаю 30 октября 1941 года. В этот день мы прибыли на указанное место. Осень в тот год была сухая и теплая. Отряду был дан приказ отдыхать. Правее нас расположился истребительный батальон Сизова. Я уселся на поваленное дерево и задумался над тем, с чего начинать. Во-первых, думал я, надо разведать селения, окружающие место нашей стоянки, и, если там появились немцы, дать им бой. Мне было понятно, что от исхода первого боя будет зависеть многое. Если мы выиграем первый, пусть и небольшой бой, партизаны поверят в свои силы, и тогда дело пойдет. Но если нас с первого же раза поколотят — будет худо.

И еще один вопрос волновал меня: как мы будем воевать вместе с истребительным батальоном? Этот батальон в сущности превратился в партизанский отряд, люди сосредоточены в одном месте, но под руководством двух командиров. Нам надо или разойтись в разные места, думал я, или слиться в один отряд и выбрать одного командира. Я поделился своими мыслями с комиссаром. Он поддержал мое второе предложение — надо соединить свои силы. Пригласили на совет Сизова. Он с нами охотно согласился. Посоветовавшись, решили сделать так: отряд и батальон слить в одно подразделение. Командиром отряда оставить Сизова, а я буду его заместителем и командиром группы.

Утомленные нелегкой дорогой, люди расположились около деревьев и кустов и заснули. Вместе с Сизовым, комиссаром и начальником штаба мы поднялись на возведение, чтобы оглядеть местность. В небе ярко светила луна, и нам хорошо было видно все вокруг. Место, где остановился отряд, называлось Горошиком. Почему этот участок леса получил такое название, я не знаю. Вокруг раскинулся густой лиственный лес. В сторону Бахчисарая он кончался около деревни Бия-Сала (ныне Верхоречье), до которой было три-четыре километра. На юге лес густым ковром покрывал высокие горы, уходящие к морю. Справа была видна деревня Мангуш (Прохладное), а по левую сторону, за холмами пряталось селение Шуры (Кудрино).

Вдалеке виднелись вспышки зенитных снарядов, лучи прожекторов щупали ночное небо. Огромный огнен-

ный столб стоял над Симферополем — наверное, горела нефтебаза. Бой шел уже за Бахчисарай, вероятно, все села вокруг города были заняты врагом. Около нас было пока тихо. Мы спустились к отряду, выставили вокруг заставы и тоже легли спать.

На рассвете меня разбудил посыльный с заставы, которая была расположена в сторону Бия-Салы.

— Михаил Андреевич! В Бия-Салу пришли наши моряки и уже окопались. А по дороге идут немцы. Будет бой!

Как раз в это время в стороне деревни послышались выстрелы и разрывы мин. Я поднялся на дерево и увидел все поле боя. В деревне, видимо, задержалось какое-то подразделение морской пехоты, отступавшее к Севастополю. На вооружении моряков были крупные минометы. Сначала они открыли по наступающим немцам миномет-

Партизаны в дозоре.

Г. Л. Северский.

В. И. Никаноров.

ный огонь и заставили их рассредоточиться. Враг остановился. Я видел, как немцы установили позади своих подразделений около десятка минометов. «Эх, если бы морячки догадались уйти из-под обстрела», — подумал я. И словно в ответ на мои мысли раздались крики «Ура», «Полундра», и морские пехотинцы бросились в атаку. Немецкие мины ударили по пустому месту, так как моряки уже успели вырваться вперед. Около деревни завязалась рукопашная схватка. Моряков было наполовину меньше, чем немцев.

Партизаны, забравшись на деревья, наблюдали за боем. К Косте Сизову подбежал командир группы Андрей Семенов. Зло закричал:

— Там наши гибнут, а мы спектакль смотрим! Поднимай отряд в ружье и ударим немцам в тыл!

Семенов пришел в отряд перед самым выходом в лес. Я знал, что он кадровый офицер, имеет звание капитана, и надеялся, что в партизанской борьбе он нам окажет большую помощь. Однако пока что так не получалось.

Между тем Сизов спокойно смерил взглядом разбушевавшегося Семенова и твердо произнес:

— Успокойся. У нас совсем другая задача.

— У всех сейчас одна задача — бить немцев, а не

любоваться, как их бьют другие. Боевой устав пехоты говорит, что в случае...

— Нам устав пехоты не подходит. Мы — партизаны.

— А есть у вас партизанский боевой устав?

— К сожалению, такой устав написать не успели, — сказал Семенову подошедший к нам комиссар отряда Черный, — поэтому остается одно: действовать согласно приказу командира.

Моряки между тем отступили. Потери, по нашим наблюдениям, у них были небольшие.

Недовольный Семенов весь день ходил среди партизан и возмущался тем, что мы не помогли морякам.

Дальнейшая борьба в тылу врага показала, что шаблонное применение боевого устава пехоты успеха принести не могло. Специфика этой борьбы требовала совершенно иного подхода, учила людей вырабатывать свои, чисто партизанские методы истребления гитлеровцев. Что же касается поспешности и горячности, даже будь они продиктованы самыми чистыми побуждениями, то руководствоваться ими в любом случае вредно. Преодолельная выдержка и терпение — непременные качества каждого народного мстителя.

После боя моряков в Бия-Сале прошло пять дней. Все это время мы с командирами групп изучали местность в районе, где нам придется действовать, определяли пути отходов, возможные места для нападения на врага.

Большую помощь оказывал нам партизан Сидельников. До ухода в отряд он работал председателем местного сельсовета, прекрасно знал леса на много верст в окружности. Хорошо ориентировался в лесу и Михаил Горский — бывший заведующий пунктом «Союззаготовушкины».

Вскоре в отряд пришло пополнение. Еще до ухода в лес я встретил инструктора Сакского райкома партии Михаила Самойленко. Он тогда уже был взят в армию, и его часть отступала с боями к Симферополю. Приехав по делам в тыл, он встретился со мной, мы разговорились. Мне понравился этот серьезный и умный парень. При расставании я открыл планшет и указал ему место на карте:

— В случае чего... ищи меня здесь.

И вот Самойленко с группой бойцов нашел наш отряд. Я обрадовался его прибытию и теперь могу сказать, что не ошибся в этом человеке. От рядового партизана

Михаил Самойленко дошел до командира бригады и все годы борьбы в тылу врага был образцом смелости и дисциплинированности.

Мы сразу же поручили ему разведку. Михаил горячо взялся за дело, и уже на второй день подобранные им разведчики ушли на задание. Возвратились они к утру и сообщили, что в селение Бия-Сала прибыло около сорока немцев.

Это произошло 6 ноября.

Комиссар отряда сказал:

— Завтра годовщина Большого Октября. Такую дату надо во что бы то ни стало отметить по-настоящему. Да и боевой счет отряда нам уже пора открывать.

И тогда мы решили в ночь на 7 ноября совершить налет на гарнизон оккупантов, стоящий в Бия-Сала. Для этой цели специально выделили группу людей. Вооружили всех гранатами и автоматами, хорошо проинструктировали.

Группа должна была скрытно подойти к селению, распределиться по улицам и забросать гранатами дома, в которых разместились немцы. Когда у врага начнется паника, партизаны должны расстреливать солдат и офицеров из автоматов. Если же гитлеровцы опомнятся и сумеют организовать сопротивление — боя не принимать, а немедленно отходить в лес.

Группу повел на задание капитан Андрей Семенов.

Никто не мог уснуть в эту ночь. Все ждали начала налета. В два часа ночи из района деревни донеслись звуки гранатных разрывов, после которых началась непрерывная и очень сильная стрельба из автоматов. Прошел час, еще полчаса, а стрельба все не утихала. «Нужели Семенов не выполнил приказ и ввязался в бой, — думал я. — Напрасно погубят людей. Цель налета — дать немцам почувствовать силу партизан, добиться, чтобы они не ослабляли свои гарнизоны, а усиливали их».

М. Ф. Самойленко.

Вдруг появился Семенов и доложил, что задача выполнена и вся группа без потерь возвратилась в отряд.

— Кто же там ведет такой сильный огонь?

— Немцы, — ответил Семенов. — Мы разделились на группы и зашли в деревню с трех сторон. Первые гранаты разорвались на южном конце деревни. Немцы вскакивали и все бросились туда. В это время я зашел с другого конца и резанул по бегущим из автомата. А потом началась такая стрельба, что ничего не разберешь. Мы израсходовали остальные гранаты и ушли в лес.

До самого утра немцы вели огонь из автоматов. Видно, здорово перепугались, если всю ночь палили, не зная куда и в кого.

Утром Сизов созвал командиров групп и предупредил, чтобы все были в боевой готовности, потому что немцы могут пойти в лес. Предположение оказалось верным.

Утро выдалось хмурое. Люди с досадой смотрели на небо. С деревьев слетали желтые листья. Было холодно.

У штабной палатки собрались партизаны. Затаив дыхание, слушали мы по радио далекий голос Москвы. В памяти оживали дорогие сердцу очертания Красной площади, ленинский мавзолей. Через несколько минут там, в родной столице, как и в былые мирные дни, начнется военный парад.

Вдруг утреннюю тишину нарушил оглушительный взрыв, за ним второй, потом еще и еще. Командир разведгруппы Горский доложил:

— К дому лесника приближается отряд численностью до батальона. Обстрел ведет батарея крупнокалиберных минометов.

— В ружье!

Полторы сотни партизан заняли круговую оборону.

— Стрелять только по команде! Гранатометчики, по местам!

Я перехожу от одного партизана к другому и вижу, что люди спокойны, никто не трусит. Справа по цепи передается приказ:

— Передать всем приказ комиссара — сегодня 24-я годовщина Октября.

Простые слова хорошо подействовали на людей. Пожалуй, сильнее иной беседы. Дождавшись своей очереди, я громко передал соседу слева:

— Передать приказ комиссара — сегодня праздник Великого Октября!

Наши заставы уже начали бой. Заговорили пулеметы и автоматы.

Вступая в первый бой, я так же, как и мои товарищи, не знал всех особенностей партизанской борьбы. Но одно я помнил твердо: сила партизана — в подвижности, во внезапности. Солдат на фронте всеми силами должен удерживать свою позицию. Для партизана же это выгодно далеко не всегда. Пожалуй, даже лучше незаметно покинуть занимаемый рубеж, сбить врага с толку и нанести ему удар с той стороны, откуда он меньше всего ожидает.

Но самое главное — сберечь людей.

Еще одной особенностью партизанской борьбы является отсутствие линии фронта. Фронт возникает там, где произошла встреча с противником.

Как партизан должен действовать? Внезапно. Ударил и скрылся. Налетел, бросил гранату, вызвал панику, порвал связь, взорвал, захватил пленного — и немедленно уходи. Иначе пропадешь. Сейчас же сюда на машинах немцы подбросят подкрепление. Надо так: дал врагу по зубам, да так, чтобы он даже не понял — кто, что, откуда; а тебя уже след простыл, ты уже в другом месте подстерегаешь его.

Мы понимали, что немцы сразу же собьют наши заставы, ринутся к основным силам, нашупают их и уничтожат огнем минометов. Поэтому командир в центре оставил только группу Семенова, а группы Леонида Глушко и Михаила Горского направил в обход немцев с левой и с правой стороны. Семенову был дан приказ отвлекать на себя внимание немцев только до тех пор, пока не вступят в бой группы обхода. Как только Глушко и Горский ударят по врагу с флангов, Семенов должен был отойти.

Леонид Глушко и два десятка партизан, прижавшись к земле, ползком двинулись в обход вражеских цепей. Командир группы Глушко был высокий, красивый юноша, студент из Ленинграда. С первых же дней войны добровольцем ушел на фронт, с боями отступал до Сиваша, раненный, чуть было не попал в плен, но чудом спасся и наконец очутился в лесу.

«Как-то сегодня покажет себя Леня? — с тревогой думал я. — Ведь в лесу смерть подстерегает из-за каждого кустика. Тут тактика особая нужна, главное — чутче, смекалка. А парень он горячий, молодой...»

Как я и предполагал, немцы двинулись на группу

Семенова, но, не дойдя метров сто, остановились, залегли за деревьями, открыли огонь из автоматов.

В разгар перестрелки, когда группа Глушко, незаметно обойдя гитлеровцев с левого фланга, обстреляла их, двинулись вперед партизаны группы Михаила Горского. Он отлично знал лес и был незаменимым проводником. Вот и сейчас Михаил вывел свою группу в самом неожиданном для врага месте. Умолк пулемет врага на правом фланге. Гитлеровцы стали отступать.

С винтовками и автоматами в руках мы бежим вниз, к балке. Рядом со мной Черный. Вижу фашиста. Прицеливаюсь, даю очередь. Гитлеровец падает.

— Миша, смотри вправо! — кричит Черный.

Поворачиваю голову и мгновенно отскакиваю в сторону. Над самым ухом раздался мгновенный посист пули и тут же мелкие осколки сухой древесной коры брызнули в лицо. На этот раз пронесло.

Снова натыкаемся на немцев. Завязывается короткий бой. Не выдержав стремительной атаки, гитлеровцы в беспорядке бегут.

Так закончилась наша первая схватка с врагом.

А вот капитана Семенова подвела пресловутая прямолинейность, нежелание вникнуть в особенности боевых действий во вражеском окружении. В силу этого он не сумел выполнить приказ штаба и заплатил за это собственной жизнью. Те, кому удалось возвратиться с этого задания, рассказали, что, как только обходные группы начали бой, партизаны бросились в тыл, чтобы оторваться от противника, как и следовало по приказу. Но капитан выхватил пистолет и криком «Ни шагу назад!» вернул партизан. В этом не было никакой необходимости: немцы на позиции его группы не пошли, зная, что это место с минуты на минуту будет под огнем минометов. Так и случилось. Шквалом минометного огня группе Семенова был нанесен большой урон.

В бою мы потеряли убитыми и ранеными семь человек.

Я, может быть, рассказал о первом бое не совсем подробно. Много времени прошло с тех пор, а после начались такие события, что заслонили, стерли подробности. Но одно ясно осталось в памяти: первый бой мы выиграли, немцы позорно бежали из леса. Партизаны почувствовали свою силу. И это было для нас главное главное.